

После воскресной службы батюшка Афанасий держал путь к трапезной, что находилась в ста шагах от храма. Трапезная как трапезная, небольшой дом с русской печью, да уж больно гоже еду готовили там состарившиеся, но с довольно бодрым духом женщины. Священник, как только переступал порог трапезной, так тут же и облепляли его, словно дети малые, стряпухи. Ведали, что и утешит Афанасий добрым словом, а где и весёлое слово скажет, тут и вовсе радостно становится поднявшимся с раннего утра и уже успевшим подустать трудницам. Было ему уже пятьдесят два года, делал всё, как и все священники на Руси: отпевал усопших, венчал молодых. Особенно радостно было на душе у Афанасия, когда проводил обряд крещения младенцев. Опускает в купель дитё, а тот кричит, к матери на руки просится. Так батюшка, бывало, в такие вот радостные для родителей минуты скажет:

— Ишь, разгневался, тебе, знамо дело, к матери хочется, но потерпи маненько, надобно покрестить тебя, родненький, чтобы Господь наш небесный тебя защищал.

Улыбка не сходила с лица священника и, передавая из своих рук в руки родителей да крёстных младенца, у всех находящихся рядом прихожан поднимал настроение. После вечерней службы вроде бы и отдохнуть надо доброму батюшке, да с человеком во все времена напасти разные случаются. Так устроено в жизни, и сей уклад непорушим, пока живы люди. У самого Афанасия сильно болели ноги, от этого он, бывало, и горевал, молясь у себя в махонькой келии, хотелось ему подольше послужить Богу и людям...

На пути вырос громадный мужичина с бородой, рухнул перед Афанасием на колени да молвил:

— Отец Афанасий, есть ли правда на земле? Ну, вот просто ответ — есть, али нет?

В глаза священнику мужик смотрел прямо, никакого заискивания не было, честно и выстраданно смотрел. В приходе своём батюшка не видел эдакого богатыря ни разу, потому тихонько спросил:

— Ты, никак, нездешний?

— Рыбак я, ловлю рыбки, да торгую по Волге. Я многим Нижегородским монастырям помогаю, может, слышал — Степан Весло кличут. То рыбкой, то монетой помогал людям, неплохо шла торговля, уж три больших лодки под моим началом было.

Враз опустив низко голову, мужик заговорил тише:

— А позавчерась кончилось моё рыбацкое счастье. Два брата купца Кочетковых ночью увели мои лодки, людей моих, братьев, убили. Я сам в то время в Нижнем Новгороде был, вернулся, а верные люди бают, убегай мол, а то и тебе не жить. Вот и скажи, отец Афанасий, есть правда на земле?

Шёл Степан к Афанасию, ведая от людей, что за правду этот священник стоит, словно солдат в бою, и складывалось так, что идти с горем его было не к кому. Так и люди указали, но так и он сам считал, хотя ни разу не видел в глаза этого батюшку. Священник, опустив голову, тихо и душевно сказал:

— Ты поднимись с колен-то, да пойдём в трапезную, голоден, небось.

Степан, медленно поднявшись с колен, с любопытством глядел на Афанасия. Батюшка же, взяв растерявшегося богатыря за руку, повёл его в сторону трапезной, говоря по дороге:

— Ишь ты, есть ли, говоришь, правда на земле? Иные люди всю жизнь её ищут, да найти не могут. Монахи другое дело, те всю жизнь в молитве неустанной, неусыпной находятся. Божия благодать, брат, она ко всем людям является, потому как Бог — есть любовь. Беда в том, что не кажинный человек замечает её. Трудный ты вопрос задал, Степан, трудный. Ведаешь ведь, что всем нелегко, каждый свой крест несёт, как может. Тебя вот ушкуйники, тати-то эти, не достали. Стало быть, Господь уберёт. Значит, нужен ты ещё на земле для чего-то. Слышал я о тебе, Степан Весло, говорили, что помогаешь монастырям.

Сидя в трапезной, отец Афанасий с радостью наблюдал, как Степан живо поедает нехитрую снедь.

— За что же ополчились на тебя купцы-то?

Запив холодным квасом хлёбово, Весло продолжал баять:

— Я у них в долг взял, на дела рыбацкие. Лодку с мужиками сделали. Начали рыбачить, и неплохо у нас выходило, так что я купцам быстро долг отдал, с лихвой, как водится. Затем ещё две большие лодки построили, говорили мне добрые люди, что, мол, злобу затаили Кочетковы на меня, за то, что доход имел неплохой. А я как-то не верил, ведь хорошо же живут купцы-то энти. А тут как увидал, как те мужики, с которыми всякие муки рыбацкие принимал, на реке зверски убиты, белый свет в голове покачнулся.

Погрустнел враз мужик и замолчал. Священник отвёл Степана в свою келию и велел никуда оттуда не уходить, покуда он не воротится обратно. Афанасия православный люд любил и почитал, но как было доказать, что именно те купцы разбой учинили — об этом думал священник. Расспросив Степана, в каком месте была покража лодок и расправа над рыбаками, священник из-за своих больных ног два дня добирался, а когда дошёл, то люди тут же и место указали. Афанасий долго творил молитвы, стоявшие рядом рыбаки и крестьяне, бабы с детьми тоже молились, многие плакали. Так оказалось, что среди нанятых мужиков для расправы над рыбаками оказался Фрол Ковешников. Нападение было совершено ночью на мирно спящих бедных мучеников, и кого резали — нападающие видели плохо. Затем всю оставшуюся ночь отгоняли и прятали лодки со снастями. Вернулся Фрол домой только через несколько дней и узнал, что среди убитых рыбаков был его родной брат Данила, оставшийся в этот кровавый вечер отведать ушицы с друзьями, да и, недолго думая, заночевал с ними возле костра. Костёр догорел, сытые мужики захрапели последний раз в своей рыбацкой жизни. Видеть убитую горем мать не было сил, а тут прослышал Фрол, что священник молится у места страшной гибели брата. Кинулся, глядит — стоят земляки его и молятся со священником. Афанасий стоял на коленях у самой воды, и волны, касаясь его тёмного подрясника, природным своим шумом создавали ещё более глубокое мо-

литвенное ощущение у многих находящихся рядом. Тут и не выдержал ставший ушкуйником Фрол, упал на колени перед Афанасием. Всё рассказал: оказалось, и вправду купцы Кочетковы раззавидовались на Степаново рыбацкое везение, вот и учинили расправу. Затем Фрол и лодки украденные сам пригнал в доказательство. Были ли как-то наказаны купцы Кочетковы — не ведомо. Была молва в народе, что подались они подале от этих мест. Степан Весло продолжал ещё долго добывать рыбу, продавал, помогал монастырям. Бывало, навещал отца Афанасия, очень дружелюбны были те встречи...

Нет уж давно Афанасия со Степаном на белом свете, да и кресты на их могилках за давностью лет давно погнили, а люди, те, что продолжают ещё греть духом своим небушко наше русское, всё помнят. Так уж повелось, что много былин разных на нашей родной сторонке родилось в разные времена, да ведь и жизнь человеческая без этакго действия не мыслима...